

А.И. Бергышев

Узник лагеря смерти — Маутхаузена (о судьбе Н.М. Дедова)

Я хочу рассказать о силе духа, упорстве и любви к своей Родине на примере моего земляка — Дедова Николай Михайловича, который в годы Великой отечественной войны был узником лагеря смерти — Маутхаузена.

Родился он в 1925 году в Дмитриевском районе. Помимо него в семье были ещё мальчик и девочка. Вырастить в те годы троих детей одинокой женщине было невозможно, поэтому их мать решилась на отчаянный шаг: она отправилась с ними к их отцу, в Крым. У него там была своя семья, и поэтому, чтобы не портить отношение с женой он выдал свою бывшую жену за сестру. Так они и жили вместе, но потом, случайно, всё выяснилось. Тогда Николая Михайловича и его брата мать оставила отцу, а сама с дочерью уехала. Но отца посадили в тюрьму и они одни остались с мачехой. Той ничего не оставалось, как сдать ребят в детдом. При детдоме была школа ФЗО, туда он и пошёл учиться на электрика, а брат на фрезеровщика. К началу войны он уже работал на заводе.

Когда началась эвакуация, а эвакуировали на обычных рыболовных судах, то появились три юнкерса, первые два корабля, которые далеко отошли от берега были затоплены сразу. Третий, на котором и был Николай Михайлович, лишь со второго залёта. Тогда ему повезло, спрыгнув в воду он сумел добраться до берега. Пришли фашисты и начали всех угонять в Германию.

«Мне было 16 лет, — рассказывал он — когда фашисты угнали на работу в Германию. Нас было 48 человек в вагоне, из них 44 девушки. Добирались мы до города Вены 7 дней(суток). Приходилось терпеть всякие лишения. Вагон был для перевозки скота, еды нам не давали, хорошо, что ещё перед отправкой некоторым родные собирали кое-что из продуктов, это и помогло. А у меня с собой не было ничего, некому было собирать. Вот я поэтому почти 6 суток ничего не ел. Спать приходилось стоя, сидя, места в вагоне не было. Когда приехали, то нас покормили баландой, я её тогда объелся. Боли в животе были страшные. Врач прописал манную диету. Но какая манка?

В лагерь смерти я попал не сразу. Сначала меня заставили работать на фабрике. Работал на станках. Шкуры делал. Два раза пытался бежать. В первый раз бежали втроём: татарин, как зовут не помню, Володя, сын капитана одного из кораблей на Севастополе, и я. На что надеялись не знаю. Не знали ни языка, ни места, не было ни знакомых, ни друзей, просто бежали, бежали на восток. Нас поймали. Мне назначили 25 розг. Месяц потом сесть не мог. Вторая попытка была в 44-м. За неё я и попал в лагерь. Как раз в это время на Гитлера было совершено покушение, и он распорядился с русскими не церемониться, за малейшую провинность отправлять в концлагерь.

Когда нас привезли на станцию, это было в Австрии, я заметил, что станция была оцеплена эсесовцами, рядом с ними стояли немецкие овчарки, убежать уже было невозможно. Лагерь, куда нас привезли, был окружён трёхметровой стеной и колючей проволокой, по которой был пущен электрический ток. За территорией были расставлены вышки с часовыми. В лагере содержались русские, поляки, чехи, французы. Но русским приходилось хуже других. Кормили баландой один раз в сутки, свиней кормят лучше. Нечищенная, гнилая картошка, порубленная лопатой, но и той не доставалось. Люди от такой еды умирали. Когда я вышел из лагеря, во мне было 32кг. А одежда одно название. Полосатые пижамы и шапочки со временем так изнашивались, мы проволокой их штопали.

Грязные, худые, завшивленные, от чесотки раздирало всё тело. Эсесовцы издевались над нами, выгонят на мороз раздетыми и стоим мы по несколько часов.

И каждый день в ожидании смерти. Еженедельно в лагерь привозили пополнение, до 20 тысяч, из 20 тысяч к концу недели оставалось 5—8. Каждый день не переставали дымить трубы крематория. И каждый раз отправляясь в баню люди думали, что наступил их последний час. Я и здесь попытался бежать, но поймали. Всыпали 50 розг, а надзиратель ещё схватил камень и мне по виску... Я по счастливой случайности избежал смерти. Я настолько ослаб, что не мог передвигаться, и меня отправили в крематорий. Там работали поляки, они заметили, что я ещё дышу и спрятали меня. Им приходили посылки из Красного креста. Этим они меня подкармливали, так я остался жить.

Многие не дождались освобождения. Нас освободили 5 апреля американцы. Первым делом они стали раздавать бульон. Мы с това —